

KUML

1958

KUML

ÅRBOG FOR JYSK ARKÆOLOGISK SELSKAB

1958

With Summaries in English
Mit deutschen Zusammenfassungen

JYSK ARKÆOLOGISK SELSKAB
SATTE DETTE KUML
FOR
C. G. SCHULTZ

UNIVERSITETSFORLAGET I AARHUS
1959

Forside:

Hornet guddom på helleristning ved Løfåsen, Bohuslen.

Redaktion:

P. V. GLOB

Copyright 1958

by

Jysk Arkæologisk Selskab

Printed in Denmark

by

Aarhus Stiftsbogtrykkerie A/S

Clichéer:

Hammerschmidt - Århus

F. Hendriksens Reproduktionsatelier - København

og

Bernh. Middelboe's Reproduktionsanstalt,

København

INDHOLD

<i>Harald Langberg</i> : C. G. Schultz	7
<i>Harald Langberg</i> : Balustersøjlen på Vitskøl	9
<i>Zdzisław Rajewski</i> : Arkæologisk forskning i Biskupin	21
<i>Jytte Lavrsen</i> : Om Votivfund fra Bronzealderens Slutning	63
<i>Lili Kaelas</i> : Ny typ av fotskålar från Danmark	72
<i>Hans Helbæk</i> : Grauballemandens sidste Måltid	83
<i>Ad. Stender-Petersen</i> : Runestaven fra Ladoga	117
<i>Aslak Liestøl</i> : Runene fra Gamle Ladoga	133
<i>P. V. Glob</i> : Alabasterkar fra Bahraíns templer	138
<i>Viggo Nielsen</i> : – vidt berømt for dens mange perler	146
<i>P. V. Glob</i> : Rekognoscering i Abu Dhabi	162
<i>P. V. Glob</i> : Undersøgelser i Kuwait	166
<i>Erling Albrechtsen</i> : Aleksander den Stores visitkort	172
<i>Aage Roussell</i> : Et hellenistisk terrakottaværksted i Den persiske Golf	191
Jysk Arkæologisk Selskab	201

CONTENTS

<i>Harald Langberg</i> : C. G. Schultz	8
<i>Harald Langberg</i> : The Balusterpillar at Vitskøl	19
<i>Zdzisław Rajewski</i> : Forschungsergebnisse über die Besiedlung der »Lausitzer« Kultur in Biskupin und Umgegend	49
<i>Jytte Lavrsen</i> : Votive Finds from the End of the Bronze-Age	70
<i>Lili Kaelas</i> : A New Type of Pedestal Bowls from Denmark	80
<i>Hans Helbæk</i> : The Last Meal of Grauballe Man	111
<i>Ad. Stender-Petersen</i> :	124
<i>Aslak Liestøl</i> :	135
<i>P. V. Glob</i> : Alabaster Vases from the Bahrain Temples	144
<i>Viggo Nielsen</i> : Famed for Its Many Pearls	157
<i>P. V. Glob</i> : Reconnaissance in Abu Dhabi	164
<i>P. V. Glob</i> : Investigations in Kuwait	169
<i>Erling Albrechtsen</i> : Alexander the Great's Visiting Card	186
<i>Aage Roussell</i> : A Hellenistic Terra-Cotta Workshop in the Persian Gulf ...	198

RUNESTAVEN FRA LADOGA

Et vidnesbyrd om Ruslands præhistorie.

Af AD. STENDER-PETERSEN

I.

Mængder af svenske runestene, der for det meste stammer fra det 11te århundrede, fortæller om svenskeres rejser til *Gardar* eller *Gardariki*, som Novgorod- og måske også Kijev-Rusland hed på nordisk. En enkelt runeindskrift fortæller os, at Hegbiarn og hans brødre havde rejst runestene over deres fælle Ravn i syden ved *Rufstain*, og at de var nået frem til *Aifor* eller *Aifur*.¹⁾ Med dette navn menes utvivlsomt en af de berømte Dnjeprfusser, som nordboerne ifølge Konstantinos Porphyrogenetos passerede på deres rejser til Byzans, og med *Rufstain* menes sandsynligvis en nærliggende fos, som nu på russisk kaldes *Rvanyj kamen*.²⁾ Denne oplysning om, at nordboerne (svenskerne) på deres færd i Rusland rejste mindstene over deres faldne eller omkomne fæller har hidtil kun været bekræftet af en eneste nordisk runesten, fundet i selve Rusland, nemlig på øen *Berezan* udenfor Dnjeprs munding. Runeindskriften meddelte her, at det var *Grani*, der havde rejst denne sten over sin fælle *Karl*. *Vilhelm Thomsen* betragtede denne runeindskrift som forholdsvis sen. Og endelig kender vi udenfor Norden den desværre vanskeligt læselige runeindskrift paa den såkaldte *Piræus-løve*, som 1687 blev ført som bytte til *Venezia*. På denne kolossale marmorstatue havde nordboer, der sikkert tilhørte den byzantiske kejsers væringergarde, moret sig med at indhugge en minderune om deres fælle *Horse*. Man har villet finde landenavnet *Rōþrs-land* i indskriften, men desværre er denne tydning langtfra sikret, ligesom hele indskriften er temmelig stærkt udvisket.³⁾ Men også denne indskrift er forholdsvis sen, idet både *Sophus Bugge* og *Oscar Montelius* uafhængigt af hinanden henførte den til midten af det 11te århundrede,⁴⁾ medens *Otto von Friesen* præciserede tiden som liggende mellem 1060 og 1075.⁵⁾

Vilhelm Thomsen forsøgte at forklare mangelen på flere runeindskrifter i Rusland ved, at anvendelsen af runeskriften (i dens yngre form) navnlig på gravstene først i det 10de og 11te århundrede blev almindelig kendt i Sverige, altså på en tid, da nordboerne i Rusland forlængst(?) var gået op i den stedlige slaviske befolkning. Han mener også, at det kan have haft sin betydning, at passende stenmateriale sjældent forekom i Rusland. Imidlertid forekommer det mig meget simplere at forklare denne mangel på runestene ved, at de rejstes i de pågældendes *hjemland* til minde om dem, der døde i det fremmede, og sjældent i udlandet.

Imidlertid er der nu til de få sene russiske runeindskrifter kommet en ny, som med rette kan betegnes som sensationel. Der har siden 1950 gået vage rygter blandt nordiske filologer og historikere om, at en russisk arkæologisk ekspedition, som var udsendt for at foretage systematiske udgravninger i Ladoga, havde fundet en veritabel nordisk runeindskrift. Men først nu foreligger dette fund publiceret og kommenteret i de *Meddelelser*, som regelmæssigt udsendes af det verdenskendte Leningrad-musæum *Eremitagen* (1957). Fundet af denne indskrift vil sikkert påny stimulere den gamle strid mellem de såkaldte *normannister* og de såkaldte *anti-normannister* om, hvilken rolle nordboerne i virkeligheden har spillet ved grundlæggelsen af den ældste russiske stat.

Der findes to byer, der hedder Ladoga. Den ene kaldes *Gamle Ladoga* (*Stárajá Ládoga*), den anden *Nye Ladoga* (*Nóvajá Ládoga*). De ligger begge – i en afstand på 11–12 kilometer fra hinanden – ved den vestlige bred af floden Volkhov. Denne forbinder Ladoga-søen med Ilmen-søen og flyder forbi den historiske stad Novgorod. Mens Nye Ladoga er blevet grundlagt så sent som i 1704 af Peter den Store, er Gamle Ladoga, nu en ubetydelig landsby, sikkert over tusind år gammel. Navnet er af finsk oprindelse, det tilkommer oprindelig en lille biflod til Volkhov-floden, og det var denne lille biflod, som engang må have haft det finske navn **Alode-jogi* 'den nederste flod'. Da slaverne indtog disse områder fik floden og den ved floden beliggende by den slaviske navneform *Ladoga*⁶, medens søen af dette navn (som på russisk forresten aldrig hedder *Ladoga*, men *Ladožskoje ozero* 'søen ved byen Ladoga') oprindelig hed *Neva-järvi* (hvilket navn endnu er bevaret i søens afløb *Neva* 'egentlig morads'). Alt dette – ligesom alle andre nærliggende floder og søer, hvis navne er af finsk oprindelse, – tyder på, at der her i tidernes morgen må have været en finsk befolkning.

Vi ved fra de gamle russiske krøniker, at byen Ladoga lå ved den gamle sejl- og handelsrute, der gik fra den store handelsby Birka i Sverige⁷) gennem de svenske og finske skærgårde og Ålands-øerne tværs over Østersøen og den Finske bugt opad Neva-floden til Ladoga-søen og byen Ladoga og derfra videre sydpå ad Volkhov-floden (hvis navn også er af finsk oprindelse) til Novgorod. Ladoga var i Norden kendt under navnet *Aldeigju-borg*, som tydeligt røber sin finske oprindelse, og Novgorod blev berømt som *Holmgård*, et navn, der er rent nordisk, mens *Novgorod* på russisk betyder 'Nyby' eller 'Nystad'.

Hvad kan selve fundet af runeindskriften og dennes indhold fortælle os?

2.

I virkeligheden ganske opsigtsvækkende ting. Runeindskriften er indridset med et skarpt instrument på et stykke træ, nærmest en stav, muligvis et spyd- eller pilestykke. Det blev fundet i et jordlag, som efter de bygningsrester at dømme, som man fandt der, må stamme helt fra 8de, senest 9de århundrede. Endnu er – såvidt mig bekendt – indskriftens indhold ikke tydet med maksimal sikkerhed. Men det ejendommelige er, at den alligevel kan give os interessante oplysninger og danne grundlaget for visse rimelige slutninger.

Først og fremmest røber runernes form, at de stammer fra samme gamle

periode, det 8de–9de århundrede. De tilhører det såkaldte *ynge runealfabet*. Dette er både de russiske forskere (V. Admoni og T. Silman) og de norske (Gerd Høst i det norske *Aftenposten* af december 1957), som har haft lejlighed til at tage stilling til spørgsmålet, enige i. De russiske forskere sammenligner de nyfundne runer med indskriften på den berømte *Rök-sten* i Östergötland (ca. år 900), og de norske føjer dertil indskriften på *Sparlösa-stenen* i Västergötland. Gerd Høst antager, at indskriften på Ladoga-brudstykket kan høre hjemme hvorsomhelst mellem år 700 og år 900. Dertil kommer, at man – uden egentlig endnu at have forstået indholdet af indskriften – kan bestemme dens stilistiske art. Både de russiske forskere og Gerd Høst er enige i, at vi her har at gøre med en *magisk* indskrift, en forbandelse eller besværgelse rettet mod en fjende. Når man analyserer indskriftens ydre karakter, opdager man, at det drejer sig om en verslinie med allitteration, ovenikøbet med kryds-alliteration, således at to sæt af ord skiftevis begynder med samme konsonant. Vi kender sådanne verslinier fra den *ældre Edda*, og når man sammenstiller Ladoga-runerne med runerne fra *Rök-stenen* og *Sparlösa-stenen*, får man noget væsentligt at vide om udbredelsen af den ældste nordiske digtning. Gerd Høst siger, at Ladoga-runerne lader os ane, at den nordiske strofedigtning er ældre end almindelig antaget, og at de berettiger os til at tale ikke blot om en gammel vestnordisk, men om en fællesnordisk digtning, uden tvivl ældre end de første vikingetog. På denne måde træder *Aldeigjuborg* eller *Ladoga* pludselig frem som den østligste udpost af den fællesnordiske kultur mellem 700 og 900.

Det tilkommer ikke mig at prøve på at tyde indskriften. Men Gerd Høst såvelsom de russiske forskere finder i indskriften sådanne ord som *fimbul* og *Niflunga*, ord, der var karakteristiske for den oldnordiske kulturs forestillingsverden. Men ellers er der indtil videre stor uenighed om tolkningen af indskriften. De russiske forskere opgiver at tyde indskriftens første del, medens de læser dens sidste halvdel således:

*Strålende månealf,
strålende uhyre,
bliv under jorden!*

Gerd Høst derimod er tilbøjelig til at tolke indskriftens begge halvdele således:

*Valrids telte
er klædt med trolldom.
Niflung-spydenes
lighøst være frygtelig!*

Divergensen mellem de to tolkninger kan synes katastrofalt stor, men dels er tolkningen af runeinskriftioner altid en vanskelig kunst, og dels indeholder den russiske tolkning påviselige og allerede påviste fejl. Efter Gerd Høsts tolkning skulde spydets eller pilens ejer have heddet *Valriðr*. En svaghed i hendes tydning er ordet *telte*, mens man nærmest venter *spyde* eller *pile* eller noget lignende. Men det forekommer mig ikke desto mindre, at hendes tolkning og læsning bør foretrækkes fremfor den russiske, selvom den kun kan være foreløbig. Der fore-

står sikkert endnu et stort og kompliceret arbejde, inden vi når frem til en endelig løsning af problemet.

3.

Alligevel berettiger indskriften, selve dens eksistens, datering og almene ældgamle karakter, os til at drage visse slutninger af historisk art og sammenstille dem med en række andre kendsgerninger. Dette tillader os at omkalfatre vor opfattelse af, hvordan det gamle Rusland egentlig blev en stat. Lad os prøve at give nogle antydninger deraf.

Ifølge gamle sagn, der i det 11.-12. århundrede blev optegnet i den oldrussiske krønike (den såkaldte *Nestor-krønike*), og som er bevaret i den såkaldte *Codex Laurentianus*, skal Novgorod have været den første hovedstad i den stat, som de indvandrede eller indkaldte nordboer fra *hinsides havet* (d. v. s. fra hinsides Østersøen) siges at have grundlagt i det 9de århundrede, nærmere bestemt 859-862. Årstallene er selvfølgelig kun en lærd beregning af den samvittighedsfulde krønikeskriver. *Codex Laurentianus* repræsenterer *Nestor-krøniken* i den såkaldte 1116 års redaktion. Da de andre codices, som har bevaret *Nestor-krøniken*, nemlig *Codex Hypatianus*, *Codex Chlebnikovius* og *Codex Academicus*, repræsenterer redaktionen af 1118, har man altid været tilbøjelig til at mene, at den version, vi finder i *Codex Laurentianus*, *eo ipso* er den ældste og pålideligste. Imidlertid stemmer den såkaldte *Codex Radivillius*, der ellers repræsenterer redaktionen af 1116 og følges ad med *Laurentianus*, i gengivelsen af det gamle sagn overens med alle de andre codices. De udpeger sammenstemmende Ladoga som statens første og ældste kongesæde.⁸⁾ Vor runeindskrift er altså blevet fundet i det ældste Ruslands oprindelige hovedstad, som tillige var den nordiske kulturs yderste udpost.

Sammenhængen med Skandinavien, specielt Sverige, kan interessant nok anskueliggøres på anden måde. I Ladoga skal nemlig den første, sikkert mytiske nordiske fortidskonge i Østerled, hvis navn synes at have været *R'urik* (= oldnord. *Hrörekr*), have slået sig ned. Ifølge de samme sagnkilder skal den ene af hans brødre ved navn *Truvor* (= oldnord. *Pruvarðr*) have slået sig ned i en estisk-finsk befolkning i byen *Izborsk* (måske = oldnord. *Isaborg* efter det finske flodnavn *Isa*)⁹⁾ i nærheden af Peipus-søen, som nemt kunde nås fra den Finske bugt ad floden Narova. Og den anden broder *Sineus* (egentlig 'Blåskæg', sandsynligvis en folkeetymologisk omtydning af et oldnord. *Signiutr*) fortsatte fra Ladoga-søen til Onega-søen og derfra til den såkaldte *Hvide sø*, russ. *Beloje ozero*, hvor han byggede sig en borg midt i en anden finsk befolkning. Måske hed denne borg *Åla-borg*¹⁰⁾.

Betragter man på et kort beliggenheden af disse tre udgangspunkter, bliver man slået af planmæssigheden i denne ekspansion. En koncentrisk bevægelse fra denne trekants yderpunkter måtte før eller senere nødvendigvis føre de nordiske indvandrere mod Novgorod, og herfra udgik så i det 9de-10de århundrede den bevægelse nedad Dnjepr-floden, der førte til oprettelsen af den oldrussiske Novgorod-Kijev-stat og kontakten med Sortehavet og Byzans (Konstantinopel).

Man har hidtil stirret sig blind på denne historiske udvikling og fuldt og fast troet på, at det var svenske vikinger, der 859 drog ud fra Sverige og erobrede hele det vældige område mellem Østersøen og Sortehavet og grundlagde et mægtigt russisk rige. Imidlertid er det mildest talt tvivlsomt, om der nogensinde har eksisteret en virkelig svensk vikingebevægelse mod øst af samme type som den norsk-danske mod vest. Også i historieforskningen falder man let for færdige modeller og fristende analogislutninger. Der lå en virkelig fristelse i at *romantisere* Sveriges historie eller præhistorie ved at antage en mægtig erobring af det gamle Rusland ved et organiseret fremstød af krigerske svenske vikinger.

Ladoga-indskriften tvinger os til at spekulere lidt nøgternt over, hvad der egentlig skete forud for Kijev-Novgorod-rigets grundlæggelse.

4.

Det er min faste overbevisning, at vi må regne med, at der forud for den sikkert langsomme fremrykning fra Ladoga over Novgorod til Kijev må have været en ikke nærmere afgrænset periode, hvor den vestfra stammende nordiske befolkningsgruppe endnu stod i en organisk forbindelse med sit oprindelige hjemland Sverige.

Nu har det morsomt nok vist sig, at man rundtomkring i Finlands og Estlands svenske egne kender eller kendte sagn af nøjagtig samme type som det vi finder i *Nestor-krøniken* om de tre brødre Hrörekr, Pruvarðr og Signiutr. Også disse sagn kunde fortælle, at der i tidernes morgen kom tre (for det meste navngivne) brødre fra *hinsides havet*, og at de bosatte sig tre forskellige (for det meste angivne) steder. Man kender sådanne trebrødersagn fra Österbotten, Nyland, Karelen, Lapträsk, Dagö. Det var typiske oprindelsessagn, som var bevaret af indflyttere midt i fremmede etniske miljøer. I betragtning heraf har vi al mulig ret til at betragte svenskernes opdukken i det nordlige Rusland som en organisk udløber af den spontane svenske folkebevægelse mod øst, en bevægelse, hvis karakter var væsensforskellig fra vikingetogterne.

Det var sikkert aldeles fredelige svenske landnamsmænd, der generationer igennem drog ud i bølge efter bølge og slog sig ned i stadig østligere egne, der ved deres naturforhold mindede om de svenske. De kaldte sig åbenbart *rōðs-mænd* eller *rōðs-karle* eller *rōðs-byggere*. Efter den svenske professor R. Ekbloms geniale og overbevisende hypotese¹¹⁾ bevægede de sig nemlig udelukkende langsmed sikrede vandveje, stræder, bugter, skærgårdsveje og floder, de såkaldte *roðrar*. Hans tolkning af dette ord, hvis betydning kan sammenlignes med engl. *road*, er blevet modsagt af historikeren E. Hjärne, som i det pågældende ord ser en betegnelse for 'ro-båd', 'ro-skib', og som bag denne terminologi øjner en militærisk organisation, således at det ikke drejede sig om en spontan folkebevægelse, men om en organiseret aktion.¹²⁾ Imidlertid synes Ekblom med overbevisende styrke at have hævdet sin opfattelse som den rimeligste.¹³⁾ Det faldt ham også let at afvise G. Hafströms afvigende hypotese.¹⁴⁾ Finnerne, som de først kom i berøring med, kaldte de svenske landnamsmænd, som selv betegnede sig som *rōðs-byggere*, efter dette ords første led med en for finsk

karakteristisk forkortelse simpelthen *Rōtsi (nyfinsk *Ruotsi*), hvilket endnu den dag idag betyder 'Sverige' eller 'svensk'. Og slaverne overtog dette navn hos finnerne og kaldte nordboerne med et kollektivnavn *Rus'*, hvoraf navnet *Rusland* er opstået.¹⁵⁾

Dette første og ældste Rusland, som endnu var rent svensk, men hurtigt blandede sig med den finske befolkning, i hvis midte det var opstået, synes til at begynde med at have stået i en ret intim kontakt med det svenske moderland. Det var måske endda skatskyldig overfor den svenske konge. Derpå tyder forskellige oldnordiske kilder, der for eksempel ved at fortælle, at kong Erik Emundsson havde hersket over *Finnland ok Kirjaland, Eistland ok Kurland ok viða um austrlond*.¹⁶⁾ Lignende antydninger finder vi også i Rimberts *Vita Sancti Anscharii*.¹⁷⁾ Derpå tyder også indirekte en meget senere oplysning¹⁸⁾ om, at da kong Jaroslav af Novgorod (*Jarisleif af Holmgard*) ca. 1019 giftede sig med en svensk prinsesse, kong Olaf Skautkonungs datter, fik hun som personlig gave tildelt netop Ladoga by og Ladoga jarldømme (*Aldeigjuborg ok jarlsriki þat, er þar liggr til*). Dette område fik efter prinsessen, som hed Ingigerd, navnet *Ingerman-land*, på finsk *Inkerin-maa*, på russisk *Ižera/Ižora* (af *Ingera). Endnu i det 11te århundrede fandtes der således åbenbart en tradition om, at Ladoga-landet engang havde været et svensk jarldømme.

Imidlertid var dette jarldømme således beliggende, at det nødvendigvis måtte komme ind i en historisk udvikling, som på den ene side løsnede dets provinsielle forhold til Sverige og på den anden side drog det ind i den vældigt ekspansive orientalske handel. Ladoga-jarldømmet var et mere eller mindre veludviklet bondesamfund, som havde sin styrke i at det beherskede alle de floder, som førte fra Østersøen til den mægtige trafikåre Volga, der førte direkte ned til det Kaspiske hav og indirekte (over Don-floden) til Sortehavet. Denne forhistoriske stat heroppe i nord måtte lade sig orientere mod øst og udvikle sig under stærk indflydelse fra og påvirkning af de to store turko-tatariske Volga-kongedømmer, *Bulgariet* ved flodens midterste løb og *Khazariet* ved flodens nederste løb. De beherskede den ivrige Volga-handel, som væsentligt blev drevet af arabiske købmænd, og af ren og skær selvopholdelsesdrift udviklede de svenske landnamsmænd, der var nået frem til Volga-flodens øverste løb, efter de turko-tatariske staters forbillede et nordisk-svensk kaganat.¹⁹⁾

Herfra udgik den handelsdelegation, som i 839 ganske overraskende dukkede op først ved kejserhoffet i Konstantinopel og derefter ved det tyske kejserhof i Ingelheim. Sendebudene påstod, at de var udsendt af deres *kagan* (chacanus), og at deres land hed *Rhōs*. Der kan ikke være tvivl om, at længe før Novgorod-Holmgård fik sin dominerende stilling som handelsby (omkring 900), spillede Ladoga-Aldeigjuborg denne rolle. Den strøm af mønter, byzantinske såvel som især orientalske, som gik til Sverige, passerede sikkert Ladoga. Man har da også fundet talrige orientalske mønter i Ladoga og dets omegn, hvoraf den ældste stammede fra 539 og flere fra det 8de århundrede.²⁰⁾

Det er under disse omstændigheder naturligt, at arkæologerne forholdsvis tidligt begyndte at interessere sig for udgravninger i og omkring Ladoga. Ifølge Arne fandt man i de talrige gravhøje genstande, som gjorde det sandsynligt, at der langsmed floderne Volkhov, S'as', Voronega, Paša og Ojat' må have

boet en kvantitativt betydelig svensk befolkning, der dog var stærkt blandet med ikke-svenske, væsentligt finske elementer. I vor tid har den russiske arkæolog V. I. Raudonikas koncentreret sin opmærksomhed dels på Ladogas jordborg, dels på gravhøjene omkring Ladoga og offentliggjort sine resultater i den interessante undersøgelse *Die Normannen der Vikingerzeit und das Ladoga-Gebiet*, som udkom i den svenske *Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar*, Stockholm 1930. Undersøgelsen af jordborgen (*gorodišče*), som nok repræsenterer Ladogas ældste bebyggelse, viste, at man måtte regne med tre forskellige lag, hvoraf det yngste (ca. 0,5 + 0,12 m) var *russisk*, det næste (ca. 2,10 m) *normannisk* og det tredje, dybest beliggende (0,3 + 0,28 m), *finsk*. Tidsmæssigt svarede de i samme rækkefølge til det 11te århundrede og senere, til det 9de–11te århundrede og til det 9de århundrede og tidligere tider. Naturligvis indrømmede Raudonikas, at denne periodisering var relativ, og at det finske lag f. eks. godt kunde betegnes som *frühnormannisch* (før år 900).

Nu er det interessant, at vort runebrudstykke blev fundet i et lag, som afgjort hørte til de *finske*. Man må altid huske, at når arkæologerne daterer deres fund i disse østlige områder, er de på forhånd indstillet på, at de svenske fund må svare til det man ellers kalder vikingetiden, uden at tænke på, at der i Rusland ikke kan være tale om nogen egentlig vikingetid i samme forstand som i vest. De finske lag er således ikke vidnesbyrd om en endnu uberørt finsk urbefolkning, men om en befolkning, der allerede var blandet svensk-finsk. Med hensyn til gravhøjene er Raudonikas, som ikke benægter eller betvivler det svenske indslag i fundene, tilbøjelig til at opgive den etniske klassifikation til fordel for en sociologisk. Hvorvidt han har ret, kan sikkert ikke afgøres endnu, så længe hans metode ikke er anvendt i større målestok. Det er ganske bemærkelsesværdigt, at Raudonikas betragter de ved Volkhov-floden beliggende gravhøjes indhold som udpræget og entydigt svensk, medens han betegner alle de mange andre gravhøje, som strækker sig langsmed de i Ladoga-søen udmundende østlige floder, som finske, skønt også de indeholder typisk svenske genstande. Deres blandede finsk-svenske indhold får ham til at tro på, at vi her har med en klassemæssigt differentieret finsk befolkning at gøre, hvis høvdinge var kommet under svensk indflydelse. Muligheden af, at det, når talen er om de rent svenske Volkhov-gravhøje, må forudsættes, at de svenske høvdinge og rigmænd var blevet begravet her, mens de folk, der blev begravet i de såkaldte finske gravhøje ved de andre floder, i virkeligheden var jævne svenske landnamsmænd og bønder, der havde blandet sig med den finske befolkning, – denne mulighed falder overhovedet ikke Raudonikas ind.

5.

Det kan ikke nægtes, at det var påfaldende, at man ikke fandt en eneste nordisk runeindskrift ved udgravningerne i Ladoga, og *anti-normannisterne* fortolkede denne i og for sig slet ikke så kompromitterende mangel på runestene eller runeindskrifter af anden art som et bevis for nordboernes ringe kulturelle betydning. *Normannisternes* syn på denne omstændighed er blevet omtalt før i denne artikel. Men *anti-normannisterne* betragtede de fremsatte forklaringer

med overlegen ironi som udflugter. En sand triumf for dem var det, da man i den vitterligt svensk-prægede bosættelse i Gnezdovo ved Smolensk fandt en slavisk indskrift, der menes at stamme fra det 10de århundrede.²¹⁾ Endnu større var deres glæde, da man fornylig ved udgravningerne i Novgorod fandt talrige russisk-skrevne barkindskrifter, hvoraf den ældste stammede fra det 11te århundrede.²²⁾ Da jeg på den X. historikerkongres i Rom fremlagde mit syn på den ældste russiske stats tilblivelse, pegede den sovjetiske arkæolog Artsikhovskij, som var tilstede, med virkelig glæde på den omstændighed, at *les normanni-
stes ont toujours eu du mal à expliquer l'absence à Gnezdovo et en général
en Russie d'inscriptions runiques.*²³⁾ Netop derfor er det nye runefund fra Ladoga, som er langt ældre end nogen af de russiske indskrifter, af så stor og opsigtsvækkende betydning. Det er simpelthen *the missing link*.

Резюме

Ладожская руническая надпись—свидетельство о доисторической Руси

Рунические надписи на древнешведских поминальных камнях XI-го века, как известно, нередко содержат краткие сообщения о поездках поминаемых лиц в Новгород или вообще в Киево-Новгородскую Русь, называемую иногда *Гардар* или *Гарда-рики*. Одна из этих надписей сообщает, что некто Хэгбиарни и братья его во время своей поездки достигли местности *Айфур* или *Айфор* где-то на юге Руси и водрузили около *Руф-стайна* поминальный камень в честь своего погибшего товарища *Равна*. Под *Айфуром* или *Айфором* несомненно следует подразумевать один из тех знаменитых днепровских порогов, которые – по свидетельству византийского императора и писателя Константина Порфирородного – преграждали скандинавским путешественникам путь в Царьград. А под *Руф-стайном*, вероятно, нужно подразумевать один из близлежащих порогов, называемый теперь *Рваный камень*. Сообщение о том, что древние шведы воздвигали такие поминальные камни на Руси, на месте смерти или гибели своих товарищей, до сих пор подтверждалось только одной находкой такого камня на острове Березани недалеко от устья Днепра. Руническая надпись этого камня сообщала о том, что воздвигнут он был неким *Грани* в честь погибшего его товарища *Карла*. По мнению известного датского ученого Вильгельма Томсена надпись эта сравнительно позднего происхождения. Вне пределов Скандинавии нам известна еще только трудно читаемая руническая надпись на так называемом *Пирейском льве*, громадном мраморном памятнике, вывезенном в 1687-м году из Пирея в Венецию. На этом льве какие-то скандинавы, повидимому члены варяжской гвардии византийского императора, вырезали надпись

в честь их товарища *Хорсе*. В надписи этой как будто имелось название страны, из которой происходили эти варяги, а именно *Röþrs-land*. Мы, к сожалению, не можем быть уверены в правильности этого чтения. К тому же и эта надпись довольно позднего происхождения.

Крайняя ограниченность рунических надписей на Руси обыкновенно объясняется тем, что использование рунических надписей на поминальных камнях вошло в обычай в Швеции так поздно (в XI–XII–м веках), что скандинавы, осевшие на Руси, уже давно (?) успели слиться с местным славянским населением и поэтому не переняли скандинавского обычая. Высказывалась также мысль о том, что подходяще для надписей камни были редки на Руси. На мой взгляд, однако, отсутствие каменных рунических надписей на русской территории просто объясняется тем, что поминальные камни воздвигались обыкновенно только *на родине* людей, погибших или умерших в чужой стране, и только изредка на самом месте их гибели или смерти.

При таких обстоятельствах факт обнаружения советскими археологами в Старой Ладоге палочки-фрагмента с рунической надписью имеет первоклассное значение. Опубликованная недавно (в 1957–м году) в *Сообщениях* Ленинградского Эрмитажа надпись должна вызвать и уже вызвала оживленную дискуссию среди советских и скандинавских археологов и филологов. Дискуссия эта оживит спор между так называемыми *норманнистами* и *анти-норманнистами* о той роли, которую сыграли (или не сыграли) древние скандинавы в создании древнейшего русского государства.

Старая Ладога возникла без сомнения более чем 1000 лет тому назад. Название ее финского происхождения. Ладогой первоначально назывался незначительный приток реки Волхова. Исконная форма названия этого притока была, без сомнения, *Alode-jogi 'нижняя река'. Когда славяне заняли эту территорию, река и населенное место на ней получили название *Ладоги*, в то время как озеро, называемое теперь *Ладожским озером*, т.-е. озером около местности Ладоги, называлось первоначально по-фински *Neva-järvi*. Как известно, от этого названия происходит теперешнее название реки, соединяющей Ладожское озеро с финским заливом. *Нева* по-фински собственно значило 'болото'. Не только эти обстоятельства, но и тот факт, что все близлежащие реки и озера имеют финские названия, показывает, что в древнейшие времена население всей территории было финским.

Из древнерусской летописи мы знаем, что Ладога, быстро ставшая крупным населенным местом, была расположена на древнем великом водном и торговом пути из варяг (т.-е. из Швеции) в греки (т.-е. в Византию). Путь этот вел из большого торгового центра Бирки в Швеции через шведские и финские шхеры, мимо Аландских островов, через Балтийское море и Финский залив, вверх по Неве к Ладожскому озеру и городу Ладоге, а

затем из Ладоги на юг по Волхову, также имевшему финское название, к Новгороду. Ладога уже в древнейшие времена стала известна во всей Скандинавии под названием *Aldeigju-borg*, формой, образованной от вышеуказанного финского названия, в то время, как Новгород у скандинавов славился под чисто скандинавским названием *Holmgard*.

2.

Интересующая нас палочка с рунической надписью обнаружена в слое, который по мнению советских археологов относится к VIII-му, самое позднее IX-му веку, судя по остаткам построек, найденных тут же. Надпись, насколько мне известно, еще далеко не прочтена с максимальной точностью. Но она, тем не менее, уже сейчас позволяет нам сделать некоторые интересные выводы.

Как советские исследователи, опубликовавшие надпись (В. Адмони и Т. Сильман), так и норвежские, имевшие возможность изучить ее (прежде всего Герд Хэст), согласны в том, что, судя по форме рун, надпись относится именно к VIII–IX-му веку. Советские исследователи сравнивают ее с знаменитой надписью на камне *Рэк* в провинции Эстергэтланд (ок. 900 г.), а норвежские кроме того указывают на надпись на камне в *Спарлэса* в Вестергэтланде. По мнению Герд Хэст ладожская надпись может быть отнесена к любому моменту между 700-м и 900-м годами. Стилистический характер ее также может быть установлен. Советские исследователи и Герд Хэст согласны в том, что мы имеем дело с *магической* надписью, с проклятием или заклинанием, направленным против врага. Изучение внешнего характера надписи показывает, что мы имеем перед собой поэтическую строку с аллитерацией, даже перекрестной аллитерацией, так что два ряда слов начинаются попеременно с той же самой согласной. Такие стихи нам известны из *Старшей Эдды*, и при сравнении ладожской надписи с надписями на камнях *Рэк* и *Спарлэса* мы получаем определенное представление о распространении древнейшей скандинавской поэзии. Герд Хэст говорит, что ладожские руны дают нам право думать, что скандинавская строфическая поэзия старше, чем думали до сих пор, и показывают, что можно говорить не только о западно-скандинавской поэзии, но о поэзии общескандинавской, несомненно более древней чем первые экспедиции викингов на западе. Таким образом *Ладога* или *Aldeigju-borg* выступает перед нами как наиболее восточный форпост общескандинавской культуры периода от 700 до 900 гг.

Я не обладаю научной компетентностью, чтобы истолковать содержание надписи. Но как Герд Хэст, так и советские исследователи находят в ней такие слова как *fimbul* и *Niflunga*, характерные для идеологии древнескандинавской культуры. Между предложенными до сих пор толкованиями имеется чрезвычайно глубокие разногласия. Советские исследователи, отказываясь

от толкования первой части надписи, переводят вторую половину ее так: *Сверкающий лунный альф, / сверкающее чудовище, / будь под землей!* Герд Хэст же пока-что считает возможным толковать содержание всей надписи так: *Шатры Вальрида / одеты волшебством. / Нифлунговых копий / трупная жатва да будет ужасной!* Разница между этими толкованиями может показаться катастрофически глубокой. Но следует помнить, что задача толкования рунических надписей всегда была чрезвычайно трудной. С одной стороны, толкование советских исследователей содержит доказуемые и отчасти уже доказанные ошибки. С другой стороны, толкование Герд Хэст, приписывающей палочку, фрагмент лука, копья или стрелы, некоему Вальриду, неудовлетворительно в том отношении, что мы вместо *шатров Вальрида* ожидали бы *копья* или *стрелы* или что-нибудь подобное. Последнее слово по этому вопросу, конечно, еще далеко не сказано.

3.

По древним сказаниям, занесенным в XI–XII веках в *Повесть временных лет* и сохранным, между прочим, в *Лаврентьевской летописи*, Новгород был первой столицей того государства, которое будто бы основали в IX-м столетии, точнее в 859–862 гг., переселившиеся или призванные *из-за моря* (т.-е. из-за Балтийского моря) древние скандинавы. Указанная дата, конечно, не может быть исторически достоверной, так как является результатом хронологических домыслов летописца. Как известно, *Лаврентьевская летопись* сохранила *Повесть временных лет* в редакции 1116-го года, а *летописи Ипатьевская, Хлебниковская* и *Академическая* редакцию 1118-го года. В виду этого версия сказания о приходе скандинавов, представленная *Лаврентьевской летописью*, автоматически считалась наиболее древней и достоверной. Между тем *Радзивилловская летопись*, также дающая редакцию 1116-го года, в передаче сказания совпадает не с *Лаврентьевской летописью*, а с другими. Как эти, так и она называет не Новгород, а Ладогу как первую столицу древнейшего русского государства, а Ладога-Aldeigjuborg, как мы видели, была древнейшим форпостом скандинавской культуры в финском окружении.

Связь ее с Скандинавией, специально со Швецией, можно иллюстрировать еще иным способом. В Ладоге по сказанию осел первый, несомненно легендарный, скандинавский князь по имени *Рюрик* (= древнесканд. *Hroerek*). По тому же сказанию один из его братьев по имени *Трувор* (= древнесканд. *Bruvard*) обосновался среди эстонско-финского населения в городе *Изборске* на реке Исе недалеко от *Чудского озера*, к которому имелся удобный доступ из Финского залива по реке Нарове. А другой брат *Синеус* (имя которого подверглось без сомнения так наз. народно-этимологическому перетолкованию из древнесканд. *Signiut*) продолжал свой путь из Ладожского озера через Онежское к так наз. Белому озеру, где он обосновался в финском

окружении в городе, который, может-быть, назывался у скандинавов *Alaborg*.

Это передвижение скандинавских переселенцев из-за моря, направленное в конце концов на Новгород, возникавший среди славянского населения, традиционно рассматривался *норманистами* как организованная экспедиция шведских викингов, отправившихся в 859-м году из Швеции на восток, завоевавших постепенно громадную территорию между Балтийскими и Черным морями и основавших русское государство. Однако, подлежит большому сомнению, имелось ли когда-нибудь действительно направленное на восток организованное движение шведских викингов на подобие движения датско-норвежских викингов на западе. История как наука нередко делается жертвой готовых моделей и увлекательных аналогий. Такое предположение о могучем завоевании древней Руси в результате организованного военного предприятия шведских викингов, по-моему, является *романтизацией* прайстории Швеции.

Ладожская руническая надпись заставляет нас призадуматься трезво над вопросом, что именно предшествовало основанию Киевско-Новгородского государства.

4.

Я все более убеждаюсь в том, что постепенному продвижению скандинавов из Ладоги через Новгород в Киев предшествовал неопределимый точно период, когда скандинавские переселенцы из-за моря находились еще в прочной, органической связи с их исконной родиной Швецией.

Интересно то, что мы у шведского населения Финляндии и Эстонии находим сказания точно того же самого типа как сказание *Повести временных лет* о трех братьях Рюрике, Труворе и Синеусе. Они также рассказывают о том, как некогда в незапамятные времена *из-за моря* переселились три брата (обыкновенно называемые по именам) и обосновались в трех разных (обыкновенно названных) местах. Такие сказания о трех братьях известны из финских провинций Эстерботтен, Ниланд, Карелии, Лаптреска, Дагэ. Это были типические переселенческие сказания, сохранявшиеся пришельцами в чужой этнической среде. В виду этого мы имеем право рассматривать появление шведских пришельцев на севере Руси как органический отпрыск стихийного народного шведского движения на восток, движения совершенно иного характера чем экспедиции викингов на запад.

Мирные шведские колонисты-землеробы, поколение за поколением, волна за волной, продвигались на восток в просторные территории, природой и климатом и материальными условиями жизни мало чем отличавшиеся от Швеции. Они называли себя по-древнескандинавски *rōds-mæn* или *rōds-karlar* или *rōds-byggiar*. По гениальной мысли шведского

ученого Рикарда Экблома это название возникло от того, что они исключительно продвигались по безопасным водным путям, проливам, заливам, шхерам, бухтам и рекам, называвшимся на их языке *röðrar*. В полемике с другими шведскими филологами, видевшими в этом слове военный термин, Экблomu удалось остоять свою теорию как наиболее вероятную. Финны, с которыми эти переселенцы в первую голову должны были соприкоснуться, отбросив вторую часть сложного названия, сохранили древнее название шведов в виде *Rötsi (*Ruotsi*), которое по сей день обозначает у финнов 'Швецию' или 'шведов'. А славяне, с которыми они столкнулись уже позднее, переняли у финнов то же самое название в форме *Русь*.

Именно эта древнейшая, первоначальная *Русь*, пока-что чисто шведская, но вскоре сливавшаяся с финнами, среди которых она осела, до поры до времени сохраняла довольно тесную связь со шведской родиной, из которой она вышла. Она, вероятно, даже платила дань шведскому королю. На это указывают разные древнескандинавские источники, а равно и *житие св. Ансгария*, написанное Римбертом. На это поредственно указывает и тот факт, что Ярослав Мудрый, женись на дочери шведского короля, передал ей в личное владение город Ладогу и Ладожское *ярлство*. От имени шведской принцессы Ингигерды вся область получила свое название *Ингер-ман-ланд*, по фински *Инкерин-маа*, по-русски *Ижера* (*Ижора*) от *Ингера. Другими словами еще в XI-м веке существовала традиция о Ладожской области как шведском *ярлстве*.

Постепенно, однако, *ярлство* это, теряя исконную тесную связь со Швецией, втягивалось в сферу могучей и экспансивной волжско-каспийской торговой системы. Ладожское *ярлство*, будучи исконно более или менее примитивным обществом землеробов-землепашцев скандинавского типа, по естественным причинам укреплялось по рекам, ведущим от Балтийского моря к торговой магистрали Волги, которая вела прямо на Каспийское море и посредственно (через Дон) на Черное море. Это заставляло доисторическое общество на севере ориентироваться на восток и развиваться под сильным влиянием волжских тюрко-татарских княжеств-каганатов *Булгари* (по среднему течению Волги) и *Хазари* (по нижнему течению ее). Волжская торговля, находившаяся по существу в руках арабских купцов, заставляла шведских землеробов Ладожской Руси, дошедших до верхнего течения Волги, организовать ради самозащиты свой собственный *каганат* по примеру волжских болгарско-хазарских княжеств.

Первым историческим фактом в истории этого шведско-русского каганата была та торговая делегация, которая в 839-м году неожиданно появилась сначала при византийском дворе в Царьграде, а затем при западном императорском дворе в Ингельгейме. Она заявляла, что была послана своим *каганом* из страны, называвшейся *Rhōs*. Из этого можно за-

ключить, что задолго до выступления на исторической арене Новгорода как господствующего торгового центра эту роль выполняла Ладога или Ладожская Русь. Поток монет, как восточных, так и византийских, шедший в Швецию, несомненно проходил через Ладогу. В самой Ладоге и ее окружении действительно были обнаружены многочисленные восточные монеты, наиболее древние из которых датируются 539-м годом, многие же относятся к VIII-му веку.

Естественно, поэтому, что археологи уже давно заинтересовались раскопками как в самой Ладоге, так и в ее окрестностях. По сообщению шведского археолога Арне в многочисленных могилах были найдены объекты, доказывающие, что по рекам Волхову, Сяси, Воронеге, Паше и Ояти жило довольно значительное шведское население, однако сильно смешанное с не-шведскими, специально финскими этническими элементами. Советский археолог Равдоникас также заинтересовался исследованием как земляного вала, окружавшего Ладогу, так и могильников, находившихся по близости от нее. Он показал, что в ладожском городище, несомненно представляющем древнейшее поселение Ладоги, следует различать три разных слоя: самый младший из них он считает *русским*, следующий за ним слой он называет *норманским*, а древнейший и глубочайший он считает *финским*. Хронологически эти три слоя соответствуют 1) времени от XI-го века и позднее, 2) периоду от IX-го до XI-го века, и 3) времени от IX-го века и вспять. Равдоникас считает эту периодизацию относительной и не исключает возможности, что *финский* слой, напр., является *ранне-норманским*, т.-е. относится ко времени до 900-го года.

Важно то, что палочка с рунической надписью была обнаружена в слое, который должен калсифицироваться как *финский*. Однако, финский слой не следует считать свидетельством о населении исконно-финском, но о населении уже смешанном, шведско-финском. Относительно могильников Равдоникас, не отрицая шведского характера многих обнаруженных в них объектов, все же склонен заменить этнический критерий при их истолковании критерием социологическим. Насколько он прав, еще трудно решить, пока метод его не применен на более обширном материале. Но интересно то, что Равдоникас рассматривает находки, сделанные в могилах, тянувшихся по Волхову, как отчетливо и однозначно шведские, в то время как многочисленные могильники, тянущиеся по рекам, идущим с востока к Ладожскому озеру, рассматриваются им как финские, хотя и они содержат типические шведские объекты. Эта смешанность финских и шведских объектов заставляет его думать, что мы тут имеем дело с дифференцированным в классовом отношении финским населением, вожди которого находились под шведским влиянием. Равдоникас не принимает во внимание другую возможность истолкования этих археологических фактов, а именно возможность того, что чисто шведские могильники по Волхову свидетель-

ствуют о погребении в этих местах шведских богачей и вождей, в то время как финские могильники на других реках могли бы свидетельствовать о том, что тут погребены простые шведские колонисты-землеробы, уже смешавшиеся с финнами. Такая возможность, однако, несомненно также должна быть взята в расчет.

5.

Анти-норманнисты всегда рассматривали ненахождение камней с руническими надписями как свидетельство о незначительности культурной роли скандинавских пришельцев. Находка славянской надписи, относящейся к X-му веку, в Гнездове, неоспоримом центре скандинавского поселения, как будто подтверждала такое мнение анти-норманнистов. Еще сильнее в пользу его как будто говорили найденные при раскопках в Новгороде многочисленные русские записи-«грамоты» на бересте, древнейшая из которых относится к XI-му веку. Когда я на X-м международном съезде историков в Риме в 1955-м году излагал свой взгляд на древнейшие судьбы Руси, присутствовавший советский археолог А. В. Арциховский не без удовольствия подчеркнул в своем выступлении тот факт, что *норманнистам всегда было трудно объяснить ненахождение как в Гнездове, так и вообще на Руси рунических надписей*. Именно поэтому обнаружение в Ладоге рунической надписи, к тому же гораздо более древней чем любая из русских, имеет такое большое, заслуживающее интенсивного внимания, значение. Она просто является *недостающим звеном*.

NOTER

¹⁾ Sml. T. J. Arne, *La Suède et l'Orient* (Archives d'Études Orientales, Vol. VIII, Uppsala 1914), s. 7 ff., specielt s. 11, og Holger Arbman, *Svear i österviking*, Stockholm 1955, s. 160 ff., specielt s. 153. ²⁾ Sml. V. Thomsen, *Det russiske riges grundlæggelse ved nordboerne* (Samlede afhandlinger, bd. I, København 1919), s. 290 ff. I nyere tid har problemet været genstand for nye drøftelser: Anton Karlgren, *Dneprfossernes nordisk-slaviske navne* (Festskrift udg. af Københavns Universitet, København 1947) og Knut-Olof Falk, *Dneprforsarnas namn i kejsar Konstantin Porfyrogennetos' De Administrando Imperio*, Lund 1951). ³⁾ Erik Brate leverede en tolkning i 1914 i *Antikvarisk tidsskrift för Sverige*, bd. XX, nr. 3. ⁴⁾ *Kongl. Vitterhets, Historie och Antiquitets Akademiens Månadsblad*, bd. II, nr. 43 (Stockholm 1875), s. 97 ff., og *Sveriges Historia*, bd. I, s. 281 ff. ⁵⁾ Sml. V. Thomsen, *anf. arb.*, s. 361. ⁶⁾ Sml. J. J. Mikkola, *Ladoga, Laatokka* (Journal de la Société Finno-ougrienne, bd. XXIII, Helsingfors 1906). ⁷⁾ Sml. min afhandling *La livre de Birca* i min bog *Varangica*, Århus 1953. ⁸⁾ Sml. min bog *Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik*, Århus 134, s. 42 ff. ⁹⁾ Sml. P. Johansen, *Über die deutschen Ortsnamen Estlands* Reval 1930, s. 10. ¹⁰⁾ Sml. Boris Kleiber, *Zu einigen Ortsnamen aus Gardarike* (Scando-Slavica, bd. III, København 1957), s. 218 ff. ¹¹⁾ R. Ekblom, *Rus- et vareg- dans les noms de lieux de la région de Novgorod* (Archives d'Études Orientales, bd. II), Stockholm 1915, s. 8-9. ¹²⁾ E. Hjärne, *Roden* (Namn och bygd, bd. XXXV, 1947). ¹³⁾ R. Ekblom, *Roslagen - Russland* (Zeitschrift für slavische Philologie, bd. XXVI, Heidelberg 1957), s. 47 ff. ¹⁴⁾ G. Hafströms opfattelse er fremlagt i en artikel i *Svenska Dagbladet*, 28. 8. 1956, og i *Årsbok 1951/52*, utgiven av: Seminarierna för slaviska språk etc. vid Lunds Universitet, Lund 1957, s. 114 ff. ¹⁵⁾ Sml. diskussionen af dette spørgsmål i min bog

Varangica, Århus 1953, s. 78 ff. ¹⁶⁾ *Heimskringla*, bd. 2, s. 142 ff. ¹⁷⁾ *Scriptores rerum Svecicarum*, bd. 2, s. 232. ¹⁸⁾ *Antiquités Russes*, bd. I, s. 332. ¹⁹⁾ Se min rapport *Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen*, i *Relazioni del X Congresso Internazionale de Scienze Storiche*, bd. III, 165–188. ²⁰⁾ Sml. T. J. Arne, *La Suède et l'Orient*, s. 81 ff. ²¹⁾ Indskriften blev fundet i en gravhøj og dens betydning er efter min mening langt fra tilfredsstillende og entydigt tolket. ²²⁾ A. V. Arcikhovskij-M. N. Tikhomirov, *Novgorodskije gramoty na bereste*, Moskva 1953. – A. V. Artsikhovskij-V. I. Borkovskij, *Novgorodskije gramoty na bereste. Iz raskopok 1953–54 goda og I raskopok 1955 goda*, Moskva 1958. – Sml. R. L. Avanesov, V. I. Borkovskij, L. P. Zukovskij, P. S. Kuznetsov, N. B. Bakhtilina, *Paleografičeskij i lingvističeskij analiz novgorodskix berest'anyx gramot*, Moskva 1955. ²³⁾ Sml. referat af hans indlæg i *Atti del X Congresso internazionale*, Rom 1955, s. 285.